

Дйша Бат

ПРИНЦЕССА РОЗ

18+

Айша Бат

Принцесса роз

«Автор»

2026

Бат А.

Принцесса роз / А. Бат — «Автор», 2026

Царь Таяз забрал у принцессы Миналь свободу, покой и невинность. Он ждал три года, чтобы сломать ее. Она готовилась, чтобы выдержать. Принцесса должна выстоять, чтобы защитить свою семью. Царь Таяз должен сломать ее, чтобы обрести покой. Но что, если в процессе этой жестокой игры они обнаружат в друг друге не только врага? Эта история — напряженное психологическое противостояние, где граница между ненавистью и страстью оказывается тоньше лезвия ножа. Дорогой читатель! В этой истории присутствует принуждение к близости и воздействие на мышление главной героини. Но, конечно, есть и... много интересного! Хорошо подумайте перед тем, как продолжить чтение.

© Бат А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	10
Глава 4.	13
Глава 5.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Айша Бат

Принцесса роз

Глава 1.

Королевство Зирия.

В тронном зале царило напряжение, высокие белые стены, подобно савану, внушали приближение смерти. Люстра заиграла всеми гранями своего хрустала, зеленый ковер расстелился от золотого трона до двери, в которую я вошла. Около витражных окон стоял огромный стол, лучики света играли на нем разноцветными мозаиками стекла.

— Они хотят в подарок одну из принцесс, это неслыханная дерзость! — Матушка от волнения ходила кругами по зале. Ее белые волосы, собранные в пучок, слегка растрепались. Будто боясь, золотая корона с огромными изумрудами даже не сдвинулась, когда она резко повернулась. Нервы и так были на пределе, а она добавляла пуще красок своими возмущениями, которые длились уже не первый час.

— Моя королева, если они не отступят, Зирия падет! Мы под осадой уже месяц, потери огромные, надолго нас не хватит! Царь Тамира уже захватил три наши крепости, они склонили головы перед ним, ради того чтобы выжить. Царь Царей не отступит, пока не преклонимся и мы перед ним! — Советник Агар опустил голову, встретив злобный взгляд королевы, ведь моя мать и так была в гневе. Наше королевство не славилось силой, а после того как почил отец, и вовсе стало на грани краха. Ведь мы были природными магами, нашим предназначением являлось сосуществовать с природой, что обязывало заботиться о ней. Создавать благоприятные условия для растений, следить за ними, урожай на полях всегда был богатым. Отдавая заботу, мы получали взамен хорошие сборы от посевов.

— Не бывать этому! Не будут мои дочери пленницами этих варваров! — Королева стукнула кулаком по массивному столу, громкий стук заставил Агара вздрогнуть. — Мало того, их требования чтобы мы сдались мирно, так еще и это. — Леила заплакала, заполняя пространство своими слезами, она была еще ребенком, сжавшись калачиком, склонила голову. Полусобранные черные волосы спадали на лицо, карие глаза блестели, милое личико было огорченным. Познать каково быть пленницей в двенадцать лет я бы ей не позволила. От волнения я теребила бархатную ткань своего красного платья, расшитого белым жемчугом. Круглые впадины уже отпечатались на ладони.

— Если это неизбежно, пусть так и будет! — Я решительно сделала шаг навстречу к матери, и ее взгляд меня тут же заставил застыть на месте. И без того остывшая кровь в венах покрылась льдом. Я ее еще немного побаивалась, несмотря на то что мне было уже двадцать один.

— Что, хочешь стать игрушкой тамирцев? — Возмутилась она мне в ответ. Мощью Царства Тамира являлись боевые маги, их главным оружием было уничтожение, и не только мечами. Разнообразие магии противников не давало никакого шанса. Стены, которые они возводили, невозможно было пробить, копыя из магии, захватывающие и сковывающие атаки и вовсе не оставляли надежд на спасение.

— Когда они пробьются к нам, и мы станем повержены, матушка, а это непременно произойдет! Дело лишь во времени и потерях. То тогда все станем куклами в его руках. Это лишь его стремление унижить нас, показать, что наш род ничего не стоит. Мы расплачиваемся за ошибки умершего брата, и все мы здесь об этом прекрасно знаем! — Эту печальную и жесто-

кую историю вслух никто не произносил уже три года. Но теперь она стала главной проблемой сегодняшнего дня.

— Молчи! Ты даже не представляешь, что они сделают с тобой. — Она отвернулась, но прежде я заметила проступившие слезы на ее глазах.

— Ради Лейлы! — Взмолилась я. — Она совсем еще ребенок, а я взрослая, все выдержу. — Душа скрежетала, как меч по мрамору, вырывая из меня кусок за куском. Это ломает меня, но мои родные об этом не узнают!

Королева долго смотрела в большое окно, потом приказала всем, кроме меня, покинуть зал. Она сжала крепко ладонь, лицо от злости покраснело под цвет ее золотом расшитого платья.

— Миналь, какой я буду матерью после того как отдам тебя им на растерзание? — Голос матушки дрогнул, какой бы суровой она всегда не казалась, безмерно любила нас. Строгость в воспитании являлась своеобразным проявлением любви.

— Когда мы будем лежать мертвые на этом мраморе, мама, это покажется нам малой ценой. — Я замолчала, и на несколько мгновений повисла тишина. — Отец просил любой ценой уберечь королевство, народ не должен пострадать. Сейчас их армия перед крепостью, даже с крыши замка я не увидела ее конца. У нас нет шансов! — Горечь заплеталась плечом вокруг меня, пуще раскидывая листья. Мы все знали, что это безысходность, но было так тяжело ее принимать.

— Все будет хорошо, матушка, по договору вы будете неприкосновенны. Пусть не королевой, а наместницей, и все же останетесь в замке. Стража будет с вами, наша верная, не даст вас в обиду. — Я подошла и крепко сжала ее ладони, как король покинул этот мир, она стала выглядеть старше своих лет. Голубые глаза по уголкам украшали морщинки, тонкие губы, кажется, давно забыли, что такое не то что смех, но и улыбка.

— Как покойный отец, упряма и тверда в решениях. Он всегда мне говорил: посмотришь, наша Миналь будет сильнее своего брата! — Матушка тяжело вздохнула, в душе у нее, конечно, бушевала буря, переворачивая все вверх дном. С тяжелым грузом я возвращалась в свою комнату. Мечты о любви меня иногда посещали, чего уж тут врать. Быть отданной кому-то я, естественно, не желала, но смело шла на это ради близких. Любимых людей мы должны оберегать — так говорил всегда отец, и я должна этот наказ исполнять.

Моя спальня встретила ярким алым цветом, любимым и привычным. Проходя мимо письменного стола, я пальцами прошлась по его гладкой поверхности. Выйдя на балкон, осматривала сад, белоснежные перила были идеально гладкими. Ровно подстриженные кусты, клумбы в различных цветах. Справа — наша любимая скамейка с Лейлой, на которой ножом нацарапаны наши имена. Дальше — небольшая аллея из моих роз, айва, которую посадили наши родители. Я пыталась запомнить каждый сантиметр этого сада, дворца, даже как светит солнце, чтобы точно знать, что здесь оно светило ярче.

Глава 2.

Повозка, качаясь, неслась по лесной дороге, уже на территории Тамира. Со мной матушка отправила Наз, она была моей служанкой и родом из Тамира. Поправляя постоянно выбивающиеся рыжие пряди волос, женщина причитала о оставленной половине сундуков. В зеленых глазах плескалось недовольство, а руки то и дело теребили ткань синего платья. Как эти душегубы разрешили ей с собой взять, я не знала. Армия покинула наши земли, хотя уже и не являлись таковыми. Небольшая часть осталась в Зирии, многие вышестоящие люди сменились. Теперь многих ждали изменения, как и меня.

— Мне дурно! — Волнение и страх, как змеи, сплетаясь, ползли во мне. Долгие дороги я не любила, укачивало, и сразу самочувствие ухудшалось.

— Остановите, принцессе плохо! — Наз закричала так громко, что резануло по слуху. За все эти годы я так и не привыкла к ее звонкому голосу. Наша повозка ехала в середине, и я сразу представила недовольство остальных. А особенно молодого царя Таяза из династии Алмазирова. Потомки которых до сих пор славятся как могучие воины, с характером твердым, как и меч в их руках.

Я выбежала, жадно глотая воздух; тут же стражники черными изваяниями возникли передо мной.

— Далеко нельзя! — громко произнес один из них. Я рукой оперлась о ствол одного из деревьев, кора впилась в нежную кожу. Мутило настолько сильно, что тут же я взмолилась богам, осуждения не хотелось. Наз принесла бурдюк, и принялась водой мочить мое лицо. Ветерок, словно в желании подсобить, обдул влажное лицо, я облегченно вздохнула. Глухая поступь ботинок вскоре сопровождалась грозным голосом.

— Почему покинули карету? — Один из воинов царя пришёл узнать о внезапной остановке.

— Скажите повелителю, что принцессе стало плохо в дороге и поэтому произвели остановку вынужденно, — начала Наз за меня, но я и сама должна была ответить.

— Передайте царю, все хорошо, и мои извинения за задержку! — Немного успокоившись, я обратно забралась в карету; таких долгих поездок у меня никогда не было. Поправляя зеленое шелковое платье, я удобно уселась, мысленно готовясь к дальнейшему пути. Сосновый лес сменился смешанным, потом и вовсе полями. Пшеница только возшла на них, высокие горы и луга в невероятных цветах. Природа и здесь не была лишена роскошной красоты. Когда мы свернули на перепутье в другую сторону, отделившись от остальных, Наз настойчиво забарабанила к вознице.

— Почему мы не едем за царем? Куда вы нас везете? — Подозрения развеялись быстро, когда один из воинов ответил.

— Повелитель отдал приказ, Зирийская принцесса будет жить в охотничьем домике! — Эта новость принесла облегчение в мою душу, ведь во дворце жить не хотелось. И у этого приказа была своя цель: там я буду одна, и что он будет делать со мной, никто не сумеет увидеть. Наз всю дорогу рассказывала про тамирцев, большинство всего этого я знала. Смешные истории из ее жизни вызывали улыбку, в душе я понимала: она не замолкает в желании меня отвлечь.

— Наз, все будет хорошо! — Я посмотрела на нее взглядом, полным тепла, ведь она была не чужой. В ее глазах блеснули слезы, как алмазы, застывая меж ресничек.

— Принцесса... — Слово звучало дрожью на водной глади. — Я так боюсь за вас, жаль, я не мужчина и не маг! — Слова прозвучали кристальной правдой.

— И что с того, Наз? Мы теперь ничто против них, пыль, которая недостойна даже их ботинок! — Я не питала надежд и иллюзий, эта реальность приносила мне облегчение. Ведь за обломками фантазии всегда покоится разочарование.

Охотничий домик был неким маленьким дворцом, только деревянным. Недалеко располагалась беседка с двумя резными ограждениями. По обе стороны от длинного стола были две скамьи. Комнаты оказались довольно просторными, кровать мягкая; две проходные заняла я. Видимо, в этом государстве красный цвет любила царская семья, ведь все было в этих тонах. Разбор сундуков затянулся до вечера, и последний уже почти был разобран.

— Принцесса, ужин подан! — Мне выделили еще одну служанку; чем я была обязана этой щедрости, не знала. Я кивнула головой, и та покинула спальню; Наз вновь ворчала.

— Треклятые, столько вещей ваших там осталось, ну вот как же принцессе, разве подobaет так? — Лицо женщины во время злости искажалось.

— И эти едва уместились, куда бы мы дели остальное? — Успокаивала ее я. — Для пленницы и это совсем роскошно, — досадно закончила я.

Как оказалось, эта служанка очень вкусно готовила; тушенная баранина с овощами и специями была изумительна на вкус. А напиток из граната порадовал необычным вкусом. Ужин закончился в тишине, совершенно чуждой для моей прошлой жизни. Мы всегда с Лейлой вечерами гуляли по саду, смеялись, придумывая различные шуточные истории. Я уже тосковала по ним; прощальные слезы на их глазах запечатались в памяти.

Ночь поглотила последний свет, за окном стражники выстроились в ряд. Я прошла и села на стул около туалетного столика. Расчесывая свои белые волосы, я смотрела в небольшое зеркало. Голубые глаза от печали стали тусклыми, губы в тонкой линии. Принцесса роз Маналь стала пленницей, та, чьей красотой восхищалось все королевство, теперь станет куклой царя Таяза. Открыв шкатулку, я достала то страшное письмо; прошло три года, но оно также вызывало во мне страшные чувства. Развернув листок, вновь принялась читать строки, которые знала уже наизусть.

“В этом письме я хотел вас известить о кончине вашего сына Арафа; этот позор стереть не смогут несколько ваших поколений. Ваш сын надругался над моей сестрой, восемнадцатилетней принцессой Софией, и жестоко ее убил...” — После этих слов я всегда переходила к последним строчкам, ведь написанное было трудно читать, а каково было писать, я не могла представить.

“Нынешний царь не дает огласки произошедшему, дабы тень не пала на честь моей сестры даже после смерти. До конца истечения нерушимого альянса между государствами осталось ровно три года. После я взойду на престол и, став царем, я поставлю вас всех на колени. Мое отмщение будет больше и хуже, и конец вашего рода будет делом моих рук. Ваши дочери будут опорочены”.

Принц Тамира Таяз.

У меня задрожали руки, слеза вновь скатилась с глаз. Как оказалось, мой брат был не только убийцей, но и бесчестным человеком. Это письмо я сохранила; не знаю, хранят ли люди свой позор так бережно, но я хранила..

Глава 3.

Я нервно зашагала по комнате, когда услышала грохот кареты. Заламывала пальцы, мечась из угла в угол, как загнанная птица в клетку. Подол кружевного синего платья тянулся по красному ковру, и я едва в нем не запуталась от волнения. Тут Наз вбежала в комнату с испуганным видом.

— Принцесса, это царь! — горько сказала она, заставляя мою душу падать в черную пучину.

Я тяжело сглотнула. Что ждет меня, я знала, поэтому дрожала. Ужас сейчас плел вокруг меня паутину, как паук, окутывая жертву.

— Наз, можешь идти, он всё равно прогонит тебя!

Она глядела на меня так жалобно — не только я знала будущий исход. Наз ушла, а я в ожидании себя подбадривала.

— Я должна быть сильной! Ни единой мольбы, ни слезинки! Я не стану унижаться!

Когда створки двери раскрылись, я подняла взгляд. В проходе стоял царь Таяз. Его длинные белые локоны спадали с плеч на серый облегающий кафтан. Черная корона под светом лампад блеснула светлым огоньком. Он сделал несколько поспешных шагов ко мне, и я смогла лучше его рассмотреть. Могучий воин — так говорится про таких, как он. Его тело было обителью мужества. Такому телосложению позавидовали бы даже боги.

Он надвигался, а я стояла на одном месте, не смея сдвинуться, медленно пуская невидимые корни в пол. Его высокий стан возвышался надо мной, широкие плечи — подобные жидкому камню. Или он был отбитым куском от горы? Все говорили, что он красив, но кажется, совершенно забыли уточнить, насколько. Если белый алмаз красоту свою показывает гранями, то этот мужчина был сплошь покрыт ими. Острый подбородок, кожа бела как снег, объемные губы, черные глаза, смотрящие с чистой ненавистью. Я даже не вздрогнула, когда он схватил меня за предплечье.

Настолько им была поражена.

— Принцесса Зирии, сестра Арафа! Я ждал отмщения целых три года. И теперь ты здесь! — Царь говорил со сладостью в голосе, предвкушая, как лакомство, свои мысли. Смотрел на меня с отвращением, изучал, оценивал, возможно, как новую игрушку. — Умоляй на коленях! — властно приказал Таяз.

— И какой же должна быть моя мольба, повелитель? — Я смотрела на него спокойно, пряча бурю под кожей.

— Взывай к моему благородству, заклинай всеми святыми, дабы я, как богохульник храм, не осквернил тебя! — Он цедил сквозь зубы мне в лицо.

— И вы сжалитесь? — ровным тоном спросила я, а внутри была сухим дрожащим листочком, боявшимся до ужаса его, как огня.

— Ни за что! — С несгибаемой самоуверенностью произнес он.

— Тогда какой смысл взывать к тому, кто меня всё равно не услышит? — Мой вопрос остался без ответа.

— Ты умна или настолько глупа? — вопрошал мужчина.

— Не мне судить об этом, царь Таяз! Здесь и сейчас вы — судья и палач! — Правда из моих уст прозвучала нагло и грубо.

— Не смей говорить со мной в подобном тоне!

Его пальцы сильно сжали мои волосы, и небольшое покалывание прошло по затылку. Сделав шаг в сторону, он уселся вальяжно на тахту, вынуждая меня перед ним пасть на колени.

— Я жду! Умоляй! — Таяз откинул мою голову назад, нависая надо мной.

— Я молюсь лишь богам! — тихо прошептала я, внутренне тревожась о том, что будет дальше.

— Гордая, смелая, сильная духом? Что ж, таких ломают медленно, наслаждаясь каждой трещиной в душе. Растянуть удовольствие будет даже лучше, ведь я никуда не спешу.

Таяз наклонился и начал целовать меня. Как безупречный захватчик, он завладел моими губами. Грубо сминая кожу, — хотя на нежность я и не рассчитывала. Это был первый раз, когда мужчина касался меня, трогал, целовал. И оттого я только сильнее сконцентрировалась, чтобы не заплакать. Притупив все чувства, внутренне себе шептала: “Это просто прикосновения, нежеланные касания чужих губ. Нужно быть сильной, волю в кулак, Миналь”.

Крутила в голове воспоминания о родных: я обязана держаться ради них. Чтобы он не тронул их, не прикоснулся к Лейле.

Немного томные ощущения отозвались на шее. Царь, кусая меня, шептал:

— Миналь, твоим телом я буду распоряжаться как мне заблагорассудится. Разве не хочешь тебе от этого плакать?

Мужчина продолжал вторить, зубами впиваясь сильнее в мою кожу. Возможно, мечтая, что это приносит мне невыносимую боль, но это было не так. С детства мое тело по-иному отзывалось на раны и травмы; царь, конечно, об этом не знал. А говорить сама ему явно не собиралась.

— Я не доставлю вам такой радости: ни одна слеза не скатится с моих глаз, и с уст не будут звучать молитвы!

Я тяжело сглотнула. Волосы натянулись сильнее, и, наверное, я должна была сейчас кричать...

— В тебе еще теплится сила, ты ещё не познала отчаянья. Ничего, сахар на дне, Миналь. А дорогу ко дну моей мести я проложу через твои страдания. Буду истязать тебя, подобно тому, как это сделал твой брат. И теперь ты будешь каждый день жить в страхе, думая, что сегодняшняя ночь принесет эту боль, а последующая — новую. — Таяз вновь наслаждался собственными мыслями.

Рука повелителя оттянула ворот платья, оголяя плечо, и тут я задрожала. Царь довольно захохотал, сжимая мое плечо. — Даже прекрасную розу колышет ветерок. Теперь твоя жизнь будет полна дрожи, боли и слез...

Я молчала. Собравшийся в горле ком не позволял издать и звука. А его игра продолжалась еще какое-то время: под его зубами сминалась моя кожа, на ней Таяз языком оставлял влажные дорожки. Внутри завязывались горькие узлы, затягиваясь туго.

— Повелитель, прибыл гонец из Зирии с посланием! — по ту сторону двери раздался голос стражника.

— Даже сейчас твоя родина спешит тебе на помощь? Как бы не так... — Царь потянулся к платью, требуя поведать содержимое. Ткань затрещала, и я опять дрожала. Разорванная одежда, оголив верх, оставила меня в одном белье. Стыд и страх отлили жаром на щеках, когда его глаза и пальцы пустились по моему телу, сжимая каждую его часть. Вновь натянулись волосы, он заставил меня приподняться. Прильнув к моему телу, белье исчезло, а зубы опять мучили моё тело.

— Мой царь, недобрые вести! В Зирии начались беспорядки, оставшаяся там часть воинов не справляется!

В этот момент мужчина сильнее укусил мою грудь, и я закусила губу, чтобы плач и крик не вырвался из меня. А тревога за королевство усилила ужас.

— Народ под стать стойкой принцессе. Ну ничего, подчиню каждого: и их, и тебя! Сегодня твои слезы увидит подушка, а когда я вернусь, их узрею я!

Мне так хотелось что-то ответить, но я от страха не могла открыть и рта. Он толкнул меня, и я упала на ковер, потом тяжелыми шагами покинул комнату. Я лежала, смотря в потолок, до тех пор, пока не стих грохот кареты. Тут в комнату вбежала Наз. Сдерживаемый мною ком вырвался со слезами наружу.

— Ах, принцесса, поднимайтесь. — В глазах Наз тоже виднелись слезы, и голос жалобно звучал.

Разорванную ткань я пыталась вновь соединить, но она не сшивалась. Как и моя душа, разошлась. Я столько лет думала об этом дне, ведь знала, что он непременно наступит.

— Уходи, Наз! — я приказала ей горьким тоном и прошла в спальню.

Глава 4.

Наз ушла, а я стояла перед зеркалом; слезы текли проливным дождем, падая на ковер. Смотрясь в свое отражение, рассматривала тёмно-красные следы на своем теле. Смотрящими друг на друга полумесяцами, отпечатки от зубов Таяза остались временным клеймом. Вся шея была в них. Я дотронулась и начала вести подсчет касаниями. Ключицы, грудь, подбородок — тут везде стояла печать Таяза, повелителя тумана.

“Моя сестра взывала к благородству вашего сына, а он ее избивал. Он не сжалился, даже когда она лила горькие слёзы”. Строчки вновь всплыли, убеждая меня в том, что Таяз сломает меня. “Ее тело мы не смогли, как подобает нашим традициям, предать омовению. Было изрезано настолько, что пришлось обмотать и скрепить его тканью. Я так и предал ее земле, в кровавом платье”.

— А-а-а... — Я, рыдая, упала на пол, сжимая свои плечи, обнимала себя, жалела, утешала. Потом начала рукавами платья вытирать его касания. Кожа немного жгла, когда сильно натирались места его укусов. Спасения не будет, я поняла это в тот день, когда прочла письмо.

Как и сказал Таяз, мои слезы впитывала безмолвная подушка. А каждое утро я благодарила богов, что этой ночью не было царя. Дни летели одинаково бессмысленно; на теле больше не осталось его следов, кожа вновь была бела и нежна. Воспоминания о прикосновениях царя отзывались страхом, переплетаясь с отвращением. Я презирала его, хотя, наверное, не больше, чем он меня.

Самую большую радость приносили прогулки на свежем воздухе. Стража ходила рядом, словно я могла сбежать. В жаркие дни мы с Наз сидели под тенью дерева; служанка, выделенная им, не ходила с нами. Зато воины всегда, хоть и держались на расстоянии. Легкий летний ветерок обдувал лицо, уверяя в своей нежности; возможно, мысли о родных способствовали этому. Сидя на траве, я любовалась природой вокруг; порывы ветра колыхали мелкие цветочки.

— Будь тут Лейла, обежала бы каждое дерево, луговых цветов нарвав, дразнила бы меня.
— Я, улыбаясь, вспомнила былые времена. Наз добродушно засмеялась.

— Да, говорила, что они красивее ваших роз, а сама тайком бегала и восхищалась ими.
— Лёгкий смех, подобно лучикам, проникал в меня светом.

— А самое смешное, я же наблюдала за этим с балкона, как она кралась, подобно вору. Срывала розу, потом под утро возмущалась, говоря: “Кому она сдалась?” А-ха-ха! — Я прикрыла ладонью рот, будто в этой глуши кому-то было дело до этикета.

— Да, вы молчали, а маленькая принцесса повторяла каждый вечер свои шалости, порой ломая кусты.

— Я на нее не обижалась. После случившегося в нашей жизни осталось так мало счастья.
— В безоблачном внутреннем мире небо затянулось грозowymi тучами. — Теперь ей ещё хуже: меня нет, матушка изведет ее. Отныне положение усугубилось — воспитание и образование

встанет на первое место. Или даже выгодное замужество. — Я вздохнула. Опять разговор привел к тому, кто был во всем этом повинен.

— Интересно, он всегда был так жесток? — Мой вопрос вызвал между нами молчание. Народ восхвалял своего царя. Ходили слухи, что безмерно любили его. Но даже от страха можно ведь полюбить?

— Боль и самого доброго превращает в монстра. Ну, это, конечно, не оправдывает его. — Наз шептала. Мы говорили тихо; казалось, даже деревья подслушивали, зная, кому они принадлежат.

— Он не ищет оправданий, месть — единственная его цель. Он это не скрывал все эти годы и смело говорит об этом сейчас. — Я сжала от горести траву. Теперь все мысли занимал он, даже в сны проник не лучшим образом. — Все это время я ждала этого, знала, что будет так. Ведь должно же быть от этого немного легче, разве нет? Я как бы была вроде готова... — Я пыталась убедить её или же себя? Как можно подготовиться к такому, даже зная за десять лет вперед? — Я боюсь, что сломаюсь, Наз. Если паду перед ним, он убьет меня. Дал это ясно понять — не сжалится. Матушка и так еле пережила кончину брата и отца. А если он меня погубит, кто останется у Лейлы? И где гарантия, что она не станет следующей? — Слезы предательски катились из глаз. Наз крепко сжала меня в своих объятьях, глядя и шепча мне на ухо.

— Боги не оставят тебя, дитя. Я буду молиться им всегда! — уверяла она.

Каждый день усиливал ужас, который сулил мне будущий приезд Таяза. Небольшую радость принесли розы, которыми я застилала все вокруг. Даже в беседке теперь вместо резных узоров красовались красные розы.

— Принцесса, не уверен, что царь одобрит сделанное вами. — Стражник взволнованно говорил это в пятый раз.

— Это всего лишь безобидные цветы. Что может иметь против них повелитель? — Касаясь их, я прогуливалась среди родных растений. Сейчас это было единственное, что принадлежало мне, даже больше, чем я сама. Наз вынесла чай с лакомствами; тамирские сладости были разнообразны.

— Вы же любите сладкое, принцесса. Лиима оказалась хорошей, готовит всё, что вы желаете. Сказала, царь велел вас хорошо кормить. — Наз положила поднос на стол, и я села на скамью, осматривая сладости. Цветочная халва была на вид аппетитной и, наверняка, такая же на вкус. Чай, над которым витал ароматный пар... И тут я с досадой подметила:

— Как животное на убой откармливает, чтобы, продолжать издеваться, дабы у меня на это были силы. — Я горько усмехнулась. Реальность развеяла аппетит. Наз присела напротив.

— Ну, зачем вы так, принцесса, не говорите. Все будет хорошо!

Жест поддержки отдал теплотой, когда женщина, коснувшись, сжала мою ладонь.

— А не будь всего этого, я бы сейчас, возможно, была замужем. Родила бы детей, заботилась о них. А брат испортил нам всем жизнь! — Я вздохнула, смотря на горизонт. Солнце уже

скрывалось за верхушками деревьев. Еда так и осталась нетронутой; в последние дни аппетита совершенно не было из-за волнения.

Глава 5.

Сегодня в сердце проросла тревога, корнями глубже проникая в меня. В сновидениях вновь был он! До вечера я просидела в беседке, в домик заходить отчего-то не хотелось вовсе. Солнце клонилось к закату, забирая что-то светлое в моей груди. Потому что приближался мой страх, который жил во мне три года. Ноги предательски подкосились, душа уже горела всеми цветами боли и огня.

— Думай о маме, о Лейле, ради них, Миналь, — мой шепот перебил Таяз.

— Устала здесь все цветами, думая, что будет что-то красочное для тебя? — Передо мной стоял злой мужчина, искажая черной яростью свой лик. Возвышался как смерть в безупречно угольном кафтане. Белые брови сдвинулись, рот скривился, подбородок, словно очерченный камень, стал твердым, когда от злости натянулась кожа. Почему такой красивый был так некрасив внутри?

— Это всего лишь растения, повелитель, что плохого в них? — робко спросила я, страшась его безмерно.

— Это не просто розы, это твоя надежда, Миналь. Ты думаешь, в твоей жизни будет спасение? Наступит свет, будет счастье? Сегодня ты отправишься в глубокую бездну, принцесса, и будешь в ней каждую ночь раз за разом утопать. — Он отвел глаза, с презрением осматривая все вокруг. Грубый голос властно отдавал приказ. — Стража, вырезать все розы, бутоны отнесите и застелите ими ложе принцессы. — Я прикрыла глаза, пытаюсь сдержать эмоции внутри себя. Заточенные кинжалы вонзились в мое сердце, разрезая всю меня.

“Все будет хорошо, все будет хорошо”, — говорила себе я. Мечи безжалостно рубили мои розы, бутоны падали на землю, роняя лепестки. Знал, куда давить, знал, куда бить, ведь хороший воин всегда знает, куда направить острие своего меча.

И вот я стояла перед кроватью, а на ней — мои розы, часть меня, такие же как я.

— Что, и сейчас будешь говорить, что не страшно? — Таяз шептал позади меня, а я собирала всю волю не в кулак, а в душу, в глаза, чтобы не плакать и не умолять.

— Многим страшно в первый раз, на ложе не все ложатся с любимыми! — Как же я сейчас была права, до горечи, до тошноты. Я так страшилась, душа, как лань, бежала от губителя.

— И ты в их числе, Миналь, моя месть, мое отмщение... — Царь снимал с себя одежду, пояс с оружием с громким звуком упал на пол. Я подняла к потолку глаза, молясь богам, сил просила дожить до утра. К губам он преподнес флакон с каким-то настоем.

— Что это? — спросила я.

— А то, что избавит меня от зирийских наследников. — Приоткрыв губы, я глотала горькую жидкость. Вновь ткань трещала, обнажая спину, пуговицы, отрываясь, падали на ковер. Платье спланировало вслед за ними. Белье стянул грубо и не медля, стыд прилил к моим щекам. Шеи коснулись леденящие пальцы, магия его тумана охлаждала. Белые сгустки он опускал вниз по мне, холодя и обжигая мое тело.

— Этот холод теперь всегда будет жить в твоей душе... Плачь, Миналь... — Голос просил, то ли умолял, когда его руки коснулись ниже живота, я задрожала. Холод был между ног, касания там, где никто никогда не трогал, мысли несла я вновь прочь.

— Как там моя семья? Королевство? — Сейчас голос звучал мольбой, ведь белые тени на его пальцах пробрались внутрь, мороза нежные места. Другой рукой он сжал мое плечо, пальцы, вдавливаясь в кожу, спускались ниже, потом он очень крепко сжал мое бедро.

— Думай о себе, как будешь теперь ты! Принцесса роз сегодня падет на своих розах. — Так хотелось кричать, плакать, умолять! Но я не могла сдаться, не должна была. Царь сжал мои волосы, повернул к себе, обхватив себя за плечи, я стыдливо опустила глаза. Мое тело едва коснулось его, словно огненное, оно пылало, обжигало.

— Смотри на меня. — Глаза открыла и рассматривала его тело — такое сильное и совершенное. Его торс, как волны бурной реки, уходил ввысь и опускался в глубину. Заточенные ветром плечи, грудь, кричавшая о своей мощи, неимоверной шириной и высотой... А лицо... Хотелось бы мне сказать, что это был белый бутон розы. Но цветы не бывают настолько жестоки. Лишь шипы колют, защищая прекрасное растение. Я подняла глаза, закидывая голову назад. И мои голубые глаза встретились с его, ночь властвовала над морем и окутала все собой. Шаг, второй, третий, и он уложил меня на цветы. Таяз навис надо мной, я ждала, что будет бить, опять будут муки. Но она была впереди, ждала своего часа. Я размышляла, насколько будет больно? Как организм отзовется на эту боль? Наз сказала, что даже плакала, неужели и мне придется? Он медлил, властно трогая и целуя мое тело, свои территории все любят ведь обходить и метить. Я вновь прикрыла глаза, унижение присело рядом, становясь товарищем. Своей плотью он прошелся между моих ног, словно делая предупреждение. Я напряглась, сдвигая ноги, на что он, раздвинув их сильнее, навалился телом.

— Умоляй, Миналь, чего ты ждешь? — Он шептал мне, наслаждаясь своей властью надо мной. Локонь его волос коснулись моего тела, окутывая подобно савану. Я молчала, тело дрожало, внутри все пылало. А разве могло быть иначе, по-другому ведь никак...

— Или ты ни невинна, соврала? — С этими словами он резко вошел в меня, я сжалась и сильно вздрогнула. Руками вцепилась в его руки, позабыв, что он ни якорь, ни спасение. Как перетянутая струна, все натянулось внутри, боль была тупой и в последующий раз. Я немного отстранилась, а он притянул обратно. Его плоть заполняла меня настолько сильно, словно желала стать одним целым со мной. Или разорвать внутри все на кусочки. Я повернула голову вбок, сминая руками розы. Они своими нежными лепестками ласкали мое тело, крича: "Мы рядом, мы с тобой, ты не одна". Резкие движения заставляли двигаться мое тело, руками сминая мои бедра, он проникал все глубже. Таяз ладонями проводил по груди, сжимал ее. Потом склонился, навалившись телом, его пальцы путались в моих волосах, и он повернул мое лицо, я заметила на запястье широкие и страшные шрамы.

— Почему ты не плачешь? — Я сжала губы зубами, но хотелось мне спросить, а когда это наступит, может, это должно произойти потом? Было больно, но это терпеть я могла, и даже тогда, когда он входил, словно пробивая меня насквозь. Сейчас я так благодарилась это странное тело, которое принимало любую боль иной. Смятые бутоны один за другим спадали с моих ладоней, эту душевную муку сейчас они делили со мной. Вновь начались его покусывания с подбородка, но не сильные, а как некий порыв страсти. Что-то горячее разливалось внутри меня, разве могло быть сейчас что-то приятное. Но оно промелькнуло, рисуя отвращение. Предпоследние рывки сопровождались протяжным стоном Таяза. И я следом, не сумев удержать, издала то ли полу стон, то ли шепотный крик. Последние его движения были и вовсе плавными, но очень глубокими. Он стонал, почему? Разве ему не противно? Дыхание тяжелое, прерывистое не унималось, я открыла глаза. Новый взгляд, смешанные чувства туманили даже взор. Он вышел из меня, свершив окончательно мой позор. Теперь я ни невинна, он забрал абсолютно все, хотя оставалась теперь моя испорченная жизнь.

Предательская слеза навернулась на глаза и с легкой наглостью скатилась. И все же я не сдержалась, не смогла. Мужчина внимательно проводил ее тяжелым взглядом. Потом и остальные, когда я горько заплакала, не отрывая от него глаз. Он смотрел, черная бездна была непроглядной.

— Стало тебе легче? — дрожащим голосом спросила я. Он долго смотрел на меня. Лицо изменилось и взгляд тоже, я не поняла, что оно сейчас означало. А после обозленный Таяз покинул комнату, возможно, злился на меня, ведь снова не умоляла я. Накинул одежду, оставил оружие — значит, вернется.

Лежала очень долго, чувствуя, насколько сейчас опустошена, тело ломило, тупая боль не хотела покидать меня. Смотреть на простынь не желала, там осталась моя честь. В горле пересохло, и я заставила себя встать. Сил не было даже, чтобы плакать.

— Наз, — прошептала я, накинула короткий халат, на первом шаге меня качнуло, держась за гладкую стену, вышла из спальни. — Наз! — громче крикнула я. Дверь отворилась, и она с испуганными глазами на меня уставилась. — Мне очень плохо, воды! — Я шептала пересохшими губами, она молниеносно выбежала из комнаты и после вбежала с графином и стаканом. Налив в него воды, протянула мне, смотрела с сочувствием. Я жадно глотала воду, едва не поперхнувшись, осушила стакан, после вернула его Наз.

— Присядьте, принцесса. — Я оперлась на нее, прошла и села на тахту.

— Принцесса, как вы? — Взгляд ее был тревожным темным лесом, а я, стараясь держать невозмутимость, тихо произнесла.

— Нормально, было не очень больно. — И тут же замолчала, чтобы не заплакать. В проходе появился царь, опять как раскаленное железо. Горел, пылал, заставляя паниковать.

— Миналь... — Громкий голос Таяза сжал все внутри, меня начала бить сильная дрожь, а если вновь потащит на ложе? Ужас сковал меня, когда Наз подскочила, склоняясь в поклоне.

— Я не с тобой закончил, Миналь! — Даже сидя, я ощущала слабость, откуда взять сил?

— Царь, сжальтесь, прошу вас. — Наз, подбежав, пала на колени перед Таязом, а я смотрела на него смутным взглядом. — Взываю к вам, пощадите ее. — Стало тошно, что Наз просит у него пощады для меня, нет, не позволю ей унижаться более. Я поднялась, храбрюсь, я чувствовала, как уже умирает моя душа. Пережить унижение еще раз, выдержу ли я?

— Нет, Наз, не моли, помолись лучше богам, ведь даже они внемлют нашим словам. — Я решительно сделала шаг, Таяз стоял неподвижно, может, ждал, пока его игрушка сама придет к его ногам. Второй дался тяжелее, задрожали ноги, и я остановилась, куда я шла? На смерть, иную ее сторону, когда тело дышит, а душа медленно умирает.

— Убирайся! — Он приказал Наз, смотря на меня, та, рыдая, выбежала. Я не отрывала от него глаз, смотрела в эту бездну, где даже через щели не пробивался свет.

— Храбришься? Я выбью из тебя эту стойкость, принцесса, ты будешь умолять, молить, не желая продолжения! — Я сглотнула ком в горле, он огненным шаром обжег все внутри.

— Не буду! — Решительно бросила я. Царь быстро подошел, я попятилась назад, стало страшно. Вновь неспешно раздевался, тело пугало, как и то, что будет дальше. “Нет, все-таки у меня нет больше сил на это, я не выдержу”, — уверяла мысленно я себя.

— Я был слишком нежен! — зло цедил Таяз, внутри все похолодело, это нежность? А как выглядит твоя жестокость? Ответ не заставил себя ждать, он грубо обхватил пальцами мой подбородок и швырнул меня на пол. Опустился быстро и, развернув к себе спиной, прижал меня к коврику. Лицо впечаталось в колючую поверхность. Приподнял халат и, крепко держа за бедро, грубо вошел в мое лоно. Теперь первый раз показался и вправду чем-то ласковым. Я чувствовала, как пальцы впечатались в кости на бедре. Стоя на коленях, он меня терзал, как это делает хищник со своей жертвой. Ощущала, как внутри все разрывалось, лицо скользило, натираясь, он держал за волосы и прижимал сильнее. Жгучие слезы катились, капая и прячась в ворсинках, ногтями царапала ковер, вдавливая их сильнее. Как это бывает с мужчинами, я, конечно, не знала, но явно не так, когда тебя подобно крепостным воротам пробивают тараном.

— Почему молчишь? — Гневился Таяз, натянул волосы, заставляя откинуть голову назад. Я прикусила внутреннюю сторону щеки, до крови, до тошнотворного ощущения во рту. Молчала, лишь плач горьким стоном вырвался из меня. Если стану молить, изобьет, а потом убьет. Грубо отбросив голову, он второй ладонью обхватил другое бедро, тело двигалось очень быстро и резко. Зубами я закусила свое запястье, не хотелось рыдать и умолять. Я уже не могла, держалась из последних сил, внутри будто трещало по швам. Где болевые ощущения? И сейчас эта томная тупая боль нашептывала мне о себе. Зато другие чувства рвали все внутри. Позор, унижение пятном стали на моем теле, как клеймо на уличных девицах. Весь свой гнев и злость он вложил в последние толчки, проникая настолько глубоко, что казалось, кроме его плоти, больше ничего там нет. Злобный стон, походивший на рык, прокатился по комнате, принося облегчение. Теперь это закончилось, я радовалась тому, что кончилось очередное унижение.... Он вышел, завершив поругание надо мной, перевернул к себе лицом, схватил за горло. Плающими глазами я смотрела на него, что было в нем, облегчение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.